

Лидия Попкова
ПОРОША БЕЛАЯ
(повесть)

р.п.Каргаполье
2021

Февраль выдался морозным. Мели метели. Снегом завалило так, что виднелись только деревенские крыши. Казалось, этому безумству конца не будет. Безлюдная улица будто вымерла. Даже собак не видно. Уже два дня не навевывалась письмоноска Нюся, которую ждали в каждом дворе. В эту несносную метель видно не рисковала она пробрести по глубоким сугробам. Радиоприёмник, укреплённый на столбе в центре улицы, тоже молчал. Никак нарушились где – то провода. Оттого не получала деревня никаких весточек с фронта.

Холодно и голодно было в деревне. А ещё страшно. Хоть не видели здешние жители проклятых фашистов, а представляли жестокими кровожадными зверями, что где – то безжалостно убивают их родненьких, стремятся захватить города, сёла, такие же, как их, деревеньки.

«И что ему надо этому Гитлеру с его сворой? Чем помешала ему страна наша? Будь проклят нечистый!» - так размышляла Лизавета, стоя у плиты.

Сегодня у малой доченьки её, Полинки, день рождения. Шестнадцать годков исполнилось. И так захотелось Лизавете порадовать девчонку, что всю ночь строила она планы из чего же приготовить именинное угощение. Наутро «наколдовала»: сварила несколько мелких мёрзлых картошин в «мундире», перемешала с толчёной сухой крапивой, да добавила три ложки отрубей, что принёс из своих скудных запасов дед Павел, то бишь, отец её. Целый ковшик принёс! А отруби, как известно, сродни муке. Вот и получилось у Лизаветы тесто на лепёшки.

В избе было прохладно. Дрова хозяйка сэкономила. Да какие там дрова?! Благо, что летось натаскали с Полинкой из леса валежнику, где пилой нашаркали, где топором изрубили, и склади под навесом. Теперь вот растягивали потихоньку. Спали на печке, да на полатах, а плиту протапливали совсем немного, чтоб только чуть тепленько было, да водичку согреть. Питались тем, чем Бог пошлёт. Летом, конечно, жили на « подножном» корму, на лесных дарах, да что на огороде вырастили. А теперь, на исходе зимы, припасы заканчивались, и приходилось экономить. На ферме, куда Лизавета с Полинкой ходили доить коров, тоже тяжело приходилось. Кормов скотине не хватало. Невелики были надои. Всё до капельки отправляли на молокозавод. Фронт нуждался в продуктах питания. «Уж тут – то мы как – нибудь пробьёмся. А фронту надо помогать...» - судачили бабы. И отправляли в помощь фронту всё, что получали тут: хлеб, мясо, масло. Вязали тёплые вещи и собирали посылки на фронт.

Полинка открыла глаза и жадно вдохнула некий непонятный запах. Пахло чем – то подгоревшим, но всё равно съедобным. Вернувшись с матерью с фермы, куда они в сумраке раннего утра с трудом пробрели по сугробам, она прямо в пимах и фуфайке забралась на печь, где и заснула каким – то судорожным сном. И вот теперь, втягивая необычный запах, чувствовала, как ноет внутри от голода.

У плиты шаркала Лизавета. По – старушечьи сгорбившись, в старых пимных обутках, в скатавшейся кофтёшке, да клетчатом полушалке, выглядела она немощной и сморщенной. А ведь была ещё молодой. Всего – то летом сорок шесть стукнуло. Да вот так видно жизнь нелёгкая сказывалась.

Заслышав, что зашевелилась на печи дочь, Лизавета подошла к лежанке и улыбнулась:

- Вставай, Полюшка. С именинами тебя. Я тебе подарочек приготовила, да угощеньице справила.

- Мамочка, родненькая моя! Спасибо тебе!

Полинка мигом спрыгнула с печки, скинула влажную телогрейку, крепко обняла мать.

- А я вот тебе рукавички связала, - улыбнулась Лизавета, подавая дочке серые с белой каёмочкой рукавички из овечьей шерсти.

- Да как же, мама!? – удивлённо вскинула серые глаза Полинка.

- Вязали мы с бабами у Дуни Есташихи носки на фронт, вот помаленьку и сгношили пряжи тебе на рукавички к именинам. Так ниточка по ниточке и собрали. Тебе на радость,

нам – в удовольствие. А теперь айда угощение пробовать. Дед Павел отрубцов на именины принёс, дак я лепёшек сварганила...

Боже мой! До чего же вкусны были эти постные непонятного цвета лепёшки!. Казалось никакие сладости не способны конкурировать с этими картофельно – крапивно – отрубными хрустящими хлебцами.

Ночью Лизавете не спалось. Ветер за окном злобствовал, будто зверь лютый. Стёкла затарабанило так, что казались они продолжением сугробов на занесённой улице. О чём только не передумалось Лизавете в эту ночь. Что только не вспомнилось. А сон никак не приходил.

В этой деревне родилась она на исходе девятнадцатого века, в 1897 году. Тяжело жилось. С утра до поздней ночи, не покладая рук, тянули лямку бедности родители - отец Павел и мать Евдокия. Спасала костлявая криворогая корова Майка. Другой поддержки в семье не было.

Вкруг озера Круглое расположились деревни, чем – то похожие друг на друга. Должно быть той извечной бедностью, да старыми избами, да непроезжими в распутицу дорогами. Все они имели названия, по – видимому родственные их основателям: Гусевка, Костюхина, Обрезкова, Старцевка, Волошина. Характерно, что большинство жителей тех деревень носили соответствующие фамилии. Только их деревня была обособленной, и называлась - как и озеро – Круглая. Да и жили кругловцы получше их нищих соседей, имели свой приход – небольшую деревянную церквушку, да пожарную каланчу. А на взгорье располагалась каменная сыроварня местного богатея Смолина. Называли их «кругляшами», и старались селиться поближе к той деревне. Кормились, как говорится, «лесом да водью». В окрестных лесах собирали грибы, ягоды, да разные травы. А озеро кормило рыбой. Мужики чаще всего находили подённую у местных зажиточных односельчан. Делали всю тяжёлую да грязную работу. А бабы, соответственно, тянули свою бабью лямку. С малолетства деревенская ребятня знала работу и помогала взрослым. Семья Кругловых ничем не отличалась от подобных ей. Также на подёнке у сыровара Смолина работал отец, нянчила да обихаживала барских детишек мать. Когда подросла Лиза, то и она стала помогать матери.

А ещё помнились Лизавете деревенские вечорки. Хоть и уставали за день, только молодость брала своё. И собирались девки и парни за деревенской окраиной у старых высоких тополей, пели, плясали, лузгали семечки, играли в догонялки, когда догоняющие девчат парни старались ущипнуть их, да из игры на обочину выставить. Девки визжали, извивались, старались не попасть под «щипок», а парни стремились выбрать для щипка местечко «полакомее» - пощупать девок. Некоторые, что постарше, бывало, после таких вечорок уединялись. Уходили к озеру. И чем уж заканчивались такие уединения – одному Богу известно. Только бывало, что к следующей весне оказывались некоторые девки брюхатыми.

Лизавета убегала с вечорок раньше всех. Ей только минуло семнадцать. Невысокая, белокурая, с густой длинной косой и огромными серыми глазами была она тихой и покладистой. Только избегала шумных игр со «щипками». Боялась отца. Павел, не шуточно глядя на похорошевшую дочку, цедил сквозь зубы: «Смотри, Лизка, притащишь в подоле – убью!». Да и мать назидательно твердила, когда они были вдвоём: «Блюда себя, Лизавета! Не дай, Бог, принесёшь в подоле – тятка и тебя, и меня порешит!» Оттого «принести в подоле» было для Лизаветы самым страшным приговором.

С Илюшкой Старцевым познакомилась Лиза в июльскую сенокосную пору. Чтобы хоть как – то наскрести Майке на предстоящую зиму, вынуждены были Кругловы «собираться» по кочкам, да редкому березняку. Обкосив все доступные места, Павел оставил Евдокию с Лизой собирать кошенину в жидкие валки, а сам спустился в низину и наклонился к холодному роднику, подставив струе разгорячённое лицо. Вода приятно обдала лицо, мгновенно снимая усталость со всего тела. В низинном тальнике тонко и

нудно пищали комары, а на мелких осинках неподвижно висели ажурные паутинки с маленькими паучками в центре. Павел набрал чистую холодную воду в пригоршни и жадно глотнул.

- Здравствуйте, дядя Паша, - вдруг услышал он рядом. Подняв голову, увидел Илюшку Старцева из соседней деревни, с отцом которого, Петром, довелось ему батрачить на смолинской сыроварне.

- А – а – а, Илья. Здорово - отозвался Павел. - Я и не признал тебя. Вишь как вымахал. Как в здешнем колке объявился?

- Да вот с отцом дровишки пилили. Он утащил волокушу домой, а я решил грибочков поискать.

- Эвон как. А я вот с семейством травку корове косил. Они где – то собирают кошенину. А я, как видишь, прохлаждаюсь...

Павел поднялся и направился по отлогому травяному откосу в сторону женщин.

- Давайте я вам помогу, - неожиданно вызвался Илья. И пошагал вслед за Павлом. Жена с дочкой уже успели оформить скошенное в валки и теперь ждали в тенёчке хозяина.

- Уж управились?! – весело развёл руками Павел. - А я вам подмогу привёл.

- Управились.- улыбнулась Евдокия, сняв с головы цветастую косынку и вытирая пот со лба. А Лиза вдруг залилась краской, будто спелая ягода, и опустила глаза. Илью она видала на вечерках у тополей. Ей нравился этот крепкий красивый парень. Только никогда не уделял он внимания хрупкой тихонькой Лизуне.

- Дак чо, коль помогать уж нет надобности, давайте перекусим маленько, да и домой подсобирываться станем. А утре соберём валки в копёшки, да и уволокём, пока погода позволяет, - хлопотала Евдокия. Она расстелила на траве полотенце и выложила нехитрый перекус: подную булку, зелёный лук, огурчики в мелких пупырышках, молодые картофелины в «мундире», да поставила молоко в бутылке, заткнутой свёрнутой бумажной затычкой.

Начало двадцатого века стало первой, хотя малоприметной частичкой пробуждения недовольства народа самодержавным режимом. Деревенские мужики меж собою роптали на разжиревшего и обнаглевшего сырозаводчика Смолина: «Коли он с нас готов три шкуры драть, то что судить о тех, кто большими заводами, да фабриками правит?» а молодёжь невесть откуда выдавала горьковские строки: «Буря! Пусть сильнее грянет буря!» И буря грянуть не замедлила. События русской революции 1905 – 1907 годов стали первыми предвестниками грядущей революции 1917 – го.

Лето четырнадцатого года стало для Лизаветы и Ильи не просто началом знакомства, но той отправной точкой на жизненном пути, когда начинается в человеческих судьбах новый виток. Короткие встречи переросли в светлое чувство. Когда Илюшкины родители заявили к Кругловым, те не удивились. Знать выросла девка.

- Не супротив мы, - ответил Павел. А Евдокия, как и положено матери невесты, всплакнула. И перевезли Лизу со скудными бедняцкими пожитками к мужу.

Друг за дружкой родились у молодых Старцевых Мотя и Шурша. В промозглую осень шестнадцатого года забрали Илью на войну. Не могла понять Лизавета кто и с кем воюет. Все вроде свои, и за что дерутся смертным боем? Ведь надо – то им немного: всего – то чтоб ребятишек прокормить, да жизни мирной.

А потом грянула революция. И вовсе всё перемешалось. Невесть откуда появились разные агитаторы за советскую власть, что звали деревенщину к борьбе с эксплуататорами, обещали землю поделить меж крестьянами.

- Чо на ней земле – то делать, коли не лошадей нет у нас, не сохи, не чо сеять? – спрашивали бабы.

- Будем пахать плугом на быках! А чо сеять? Чо Бог даст! В амбарах у богатеев

наскребём!- рассуждали мужики.

Так завертелись – закрутились жернова новой жизни.

Лизавета вздрогнула, услышав стук в окно. Метель утихла. Сбросив тяжёлое ватное одеяло, она сунула ноги в стоптанные обутки и метнулась к окну. Сквозь очищенный от снежного плена кусочек стекла увидела знакомое лицо бригадира Евстафия Корчагина. Он требовательно махнул рукой в стёганой рукавице и отпрянул от окна, по – видимому направляясь к сенцам. Откинув запор, онапустила гостя.

- Поднимай, Павловна, Полинку пораньше. Утром заеду за ней. Собери потеплее..., - будто нехотя выговаривал он.

Помолчал.

- На лесозаготовки повезу. В Пересвет.

Лизавета беззвучно поднесла руку к губам, будто пыталась перекрыть, готовый вырваться возглас.

- Да что ты, Есташа! Ребёнок ведь Полинка! Только шестнадцать минуло! Какая она работница на лесозаготовках?

- Делать нечего, - развёл руками Евстафий. – Указ такой: с 16 – ти лет направлять на лесозаготовки. Война. Фронту лес нужен.

- Да нашто фронту лес – то? – выдохнула Лизавета. – Фронту оружие надо, снаряды, вещи тёплые, да чем пропитаться... А лес – то куда?

- Не скажи! – поднял вверх палец бригадир. – Лес нужен фронту. Чтобы землянку, к примеру, сделать, блиндаж соорудить. Оборонительные ли накаты сделать. Где – то протопить, чтобы было бойцам где погреться... Да мало ли ещё куда. Теперь вот лыжные батальоны появились. А лыжи, известное дело, тоже из древесины делают, - рассуждал Евстафий. - Давай. Готовь девку.

Он встал и направился к выходу.

Работа в лесу оказалась настолько тяжёлой, что казалось легче умереть, чем выдюжить. Полина постоянно чувствовала нестерпимую ломоту в руках, спине. Дни тянулись нескончаемо медленно. По пояс в снегу, с заочевенными пальцами рук она временами отчаянно хотела бросить всё и убежать туда, вглубь леса, чтобы никогда не видеть сваленных сосен с мохнатыми ветками и острыми сучьями, что приходилось днями обрубать тяжёлым топором.

Женщины и девки постарше спиливали деревья пилой – двуручкой. Им, подросткам, доставалась обрубка, а парнишки таскали брёвна на длинные сани, на которых увозили на станцию. Мокрые рукавицы покрывались ледяной коркой, а пальцы в них, казалось, пристывали к внутренней стороне. Самое страшное было порвать рукавицу. Тогда ледяные иголки проникали внутрь, и угроза обморозить пальцы становилась реальной. Пимы на ногах тоже не грели. А шаровары стояли колом. Сушить мокрую одежду особо не удавалось. Она лишь оттаивала за ночь, поскольку тепла от печки – железяки было не слишком достаточно.

От голода постоянно сводило живот. Жидкий суп с картошкой, да пшеном не утолял потребности организма. А суточную норму хлеба приходилось делить на крохи.

Забившись в угол барака, Полинка сжималась в комок и беззвучно плакала.

- Перестань, Поля, - присев рядом с ней, шептала Галька из соседней деревеньки Обрезковой. - Всем тяжело. Надо терпеть. На войне – то ить ишо тяжче. У меня вон папку убили. Теперича мы с мамкой одне остались... Не плачь, Полинка...

Галька была на два года старше Полины. Однако в свои восемнадцать выглядела худенькой длинношеей пичужкой с ввалившимися глазами и бледными щеками. Видно и дома сказывались постоянное недоедание и тяжёлая работа.

- Убегу я. Не выдюжу - шептала Полина, уткнувшись в Галькино плечо.

- Не вздумай! – предостерегающе вымолвила та, - знаешь как «бегунов» наказывают? Только казалось Полинке, что ничего уже нет страшнее лесозаготовок.

Не доходя старцевской избы, почтальонка Нюся остановилась. «Надо набраться сил и отдать», - подумала она с внутренним содроганием. Третий день носила она в увесистой сумке письмо, адресованное Лизавете. Она знала, что это письмо несёт страшную весть, и она тяжестью лежала на её сердце. Сколько их, таких вестей, принесла она односельчанам почти за три года войны. Нюсю ждали в каждой деревенской избе. И одновременно боялись. Эти извещения формы № 4 она чувствовала нутром. Даже в первые годы, когда ничем они не отличались от простых фронтовых треугольников. А теперь они всё чаще приходили в особых конвертах с печатью.

Нюся потрогала сумку. Неторопливо поправила ремень на плече и шагнула в направлении означенного адреса. У калитки ещё раз остановилась и, глубоко вдохнув морозный воздух, открыла её. Лизавета, распахнув сенную дверь, вышла на крыльцо. Никогда не забудет Нюся её взгляд, когда, откинув брезентовый край сумки, достала злополучное письмо. Она подала его молча, опустив глаза. Почувствовала задрожавшие Лизаветины руки. Сердце на миг будто остановилось, а потом отчаянно застучало, ударяя где – то у горла прямо в застрявший комок. У незакрытой калитки она не оглянулась. Только слышала, как состучала дверь сеней, впустив хозяйку.

Лизавета держала в руках письмо со страхом и болью. Боялась вскрыть казённый конверт. Вытащив серую бумагу, впиалась глазами в буквы:

... «Ваш муж красноармеец Старцев Илья Петрович... в бою за Социалистическую Родину верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 28 января 1943 года... в бою за высоту...» Дальнейшие строчки извещения расплылись, будто растворились, смытые хлынувшими слезами. В голове ударами стучало одно, самое страшное слово: «Погиб! Погиб! Погиб!...»

Долго сидела Лизавета неподвижно на кованом сундуке между стеной и печью, уставившись взглядом в одну точку.

Лёгкое поцарапывание в оконное стекло вмиг напрягло Лизавету. Она молилась, стоя на коленях, перед чуть мерцающей лампадкой на угловом столике – треуголке в переднем углу избы. Со слезами смотрела в грустные глаза Пресвятой Богородицы и шептала: «Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго, за всех молиши Сына Твоего Христа Бога нашего и всем твориши спастися, в державный Твой покров прибегающим. Всех нас заступи, о Госпоже, Царице и Владычице, иже в напастей и скорбех...»

Губы шептали святыя слова, а слёзы текли по щекам, омывая истерзанную душу. И очищалась она от боли неминуемой.

Тихий стук в окно повторился. Лизавета, отпрянув от иконы, приложила к заснеженному стеклу ладонь и глянула. Мгновенный холодок пробежал вдоль спины. - Господи! Полина!

Она кинулась к дверям, выбежала в сени и спешно выдвинула увесистый деревянный засов. Распахнула настежь дверь, впуская заиндевшую дочь.

- Солнышко моё! Полинushка! Да как же ты? Заколела чать?

Схватив её, втолкнула в избу и, упав на колени, обняла заледенелые пимы. Потом, медленно перебирая руками, поднялась выше, ощутив под ладонями холод ватника, дрожащие хрупкие плечики, и прижимая к себе замотанную шалью голову. Плакала и целовала холодные щёки, лоб, глаза.

Полина тоже плакала. Навзрыд. Безутешно.

- Мама! Убежала я. Лесом, без дороги брела. Думала не выберусь... Не могу я больше... Дрожащими руками растегивала Лизавета ватник, стягивала заледеневшие шаровары и пимы, разматывала шаль. Потом, накинув фуфайку, выскочила во двор и набрала беремья дров. Надо, не жалеючи драгоценных дров, натопить печь, да согреть беглянку, высушить одежду.

На разогретую плиту поставила две кастрюльки. В одну бросила порезанные мороженые капустные листья, горсть сухого гороха, да мелко покрошенную морковку. Приправила

ложечкой гусиного сала, где - то раздобытого дедом Павлом. В другую кастрюльку бросила в крутой кипяток сухие малиновые листья, да горсточку высушенных ягод шиповника, что собрала осенью по пути домой с дальней фермы. На блюде выложила из банки немного сладенькой пареной и подсушенной свёклы.

Далеко за полночь пришёл к Лизавете всё тот же бригадир Евстафий Корчагин. Отряхнулся у порога, сел на табурет в углу.

- Слыхал о горе твоём, Лизавета...

И осекся, поймав испуганный её взгляд и увидев руку, спешно поднесённую к губам. «Не сказала, чать, Полинке об отце...», - сообразил он. Чуть кивнул головой.

- Я чо пришёл – то, Лиза, Полинку надо утром в деляну везти, пока шибко не хватились... Дело – то нешуточное. По закону военного времени под суд девку отдать могут. Тюрма – то лесозаготовок пострашнее. Так что к утру надо вернуть её обратно. В сенцах хлопнула дверь, и в избу с клубами холодного воздуха, прихрамывая, ввалился дед Павел.

- Здорово, - буркнул он, высвобождая руки из рукавиц.

- И тебе здоровья, - ответил Евстафий.

Лизавета только растерянно кивнула.

- Вон оно как, - вздохнул Павел. – Беда – то и впрямь не ходит одна.

И опять Лизавета, тронув отца за рукав, отрицательно помотала головой.

- Понял. – сказал он. – Так нелегко девке. Правильно, что скрыла... Надо, Лизунь, скорее вернуться Полине. Пока беда не грянула.

Ни свет – ни заря увезли Полину в лес. Чтобы ни дать делу огласку, увёз дед Павел управляющему участком свою собачью тёплую шапку, что справил перед войной из шкуры пса Мамая, сбитого машиной.

Февральские холода сменились мокрой весной. Распутица добавила хлопот. Стало ещё голоднее. А работа легче не стала.. Как – то поварила тётя Тася, глянув на Полинку, тяжко вздохнула, увидев огромные глаза в синих кругах и худые плечики. Вечером она тихонько окликнула возвращающуюся Полину и, когда та подошла, с оглядкой сунула ей под ватник варёную картофелину в кожуре. Полинка ела её жадно, с кожурой. Старалась подольше держать во рту. Спрятавшись за развесистой молодой сосёнкой, она откусывала от картошки мизерные кусочки, старалась продлить момент поедания.

С тех пор так и повелось. Таисья совала Полинке то морковную лепёшку, то картофелину – крохи, что экономила от своих скудных обедов. А к концу марта, какой – то только ей одной известной хитростью, сумела охлопотать Полинку своей помощницей на кухню. Во многом, благодаря этому, удалось Полинке выжить в то нелёгкое время.

В бессонные ночи вспоминала Лизавета свои трудные годы. А когда они были нетрудными? Откуда – то из памяти всплыл август девятнадцатого. Гражданская война, будто косою нещадно выкашивала деревни. Отступающие банды колчаковцев зверствовали вокруг. Отец с Илюшкой подались в леса, в партизаны, называемые в народе «кустарниками». Она с Мотюхой, которой только – только пошёл пятый годок, перекочевала к матери. Стоял жаркий день августа, когда через деревню пошёл белый отряд. Люди попрятались, кто куда смог. Мать, схватив за ручонку Мотюху, кинулась к овощной яме на загумнах. Лиза, подхватив руками огромный живот, заковыляла следом. Была она на сносях и боялась нечаянно споткнуться. Вблизи ямы Мотюха вдруг дернула руку и, вырвавшись, опрометью побежала на лужайку за заплотом. Мать только растерянно перекрестила лоб и быстро помогла Лизавете скрыться в яме. Уже оттуда, чуть приподняв крышку, со страхом наблюдала, как, склонившись, собирает Мотюха цветочки на лужайке. Подъехавший к ней конник в фуражке, по всему видно колчаковский офицер, наклонился и спросил:

- Цветы собираешь?

- Ага, - доверчиво ответила Мотюха.

- А где же твои родители? – не унимался колчаковец.

- Тятки нету, а мамка с бабой вон в яме сидят..., - вскинула ручонку Мотыка.

Сердце у Лизаветы так и упало в пятки. Но офицер только потрепал девчущку по светлой головёнке и, дёрнув поводья, поскакал в сторону своих. Как знать, может, вспомнил он свою такую же наивную дочку. «Господи! Спасибо тебе! Слава тебе вечная и ныне, и присно, и во веки веков...» - шептала побелевшими губами Евдокия. А Лизавета вдруг ощутила, как забилося внутри живота дитё, будто показывая, как и ему страшно.

В тот вечер привезли на повозке раненого Павла. Далеко за деревней встретили партизаны отступающих белогвардейцев, нанесли им сокрушительный удар и погнали, освобождая территорию. Раненый в ногу Павел, потерял много крови. Выходила его деревенская знахарка – травница Митрофановна. С тех пор и стал отец прихрамывать на левую ногу.

Всё прошло. Кануло в лету. А потом настали тридцатые. Коллективизация. Век не забыть Лизавете, как уводили на колхозный двор их кормилицу Зорьку – коровку – первотёлку, что заменила старушку Майку. Сами отец с Ильёй и отводили. А Евдокия, стоя у распахнутых ворот загона, теребила край фартука, поднося его к глазам. Только навзрыд громко плакала Полинка, которой шёл уже восьмой год. А Зорька как – то грустно косила глаза и нехотя шла следом за Павлом, ведшим её за верёвку. Потом Полинка бежала по деревенской улице и всё кричала: «Зорька! Зо-о-о-рыка!» Корову она любила. Каждый день приносила ей из берёзового колка мешок свежей травы. Гладила по чёрно – белой шее и смотрела в добрые глаза, обрамлённые большими ресницами. В семь лет уже научилась доить свою любимицу.

На Егория вешнего, что празднуется в начале мая, выгнали колхозное стадо на луг меж деревнями. Пасти доверили Митьке - шепелявому, получившему своё прозвище за косноязычие. Вот тогда и повадились Полинка с Тохой Гусевым помогать Митьке – подпасывать стадо. А на самом деле цель была другая: когда после полудня собирались коровы на водопой у озера, а потом следовал отдых, незаметно отгоняла Полинка Зорьку подальше в сторонку, ближе к колку. Некоторые коровы ложились, другие стояли, прикрыв глаза и жевали свою травяную жвачку. Митька – пастух тоже прилегал, надвинув на глаза кепку. Придрёмывал. Вот тогда Тоха среди прибрежных кочек отыскивал в траве маленькое помятое ведёрко и тащил его Полинке. Становился к ней спиной, прикрывая. А она быстро усаживалась под бок Зорьки и доила в ведёрко тёплое пенное молоко. Не полностью доила, а только «поддаивала». Потом они с Тохой попеременно выпивали из ведёрка молоко, и он относил ведёрко на место. Только однажды поймал маленьких воришек Митька – пастух. Прогнал их прочь, Да пригрозил председателю пожаловаться. Правда, угрозу свою не осуществил, а вот деду Павлу доложил.

Вечером строго поговорил тот с внучкой.

- Чо ты, Полина, пакостишь? – усадив её на скамейку, строго молвил он. - Не ладно это. Так враги народные поступают. А мы должны беречь народное добро. Ты же уже большая. И папка твой – комсомольский вожак. Чего люди – то скажут? А скажут, что у комсомольца Илюхи Старцева дочь воровка. Стыдно это, Полюшка...

Слушала его Полинка, уткнув в землю глаза. Алая краска заливала щёки. Потом, собравшись с мыслями, тихо прошептала:

- Не стану я больше, деда...

С той поры не бегала она на пастбище. А дедово определение – «враг народный» стало для неё чем – то очень страшным и подлым.

Весеннее тепло ласкало землю. Молодая зелень, голубое небо, щебетанье птиц – всё пробуждало желание жизни. Хотя по – прежнему деревня ждала вестей с фронта, слушала из радиоприёмника сводки Совинформбюро, получала долгожданные письма с фронта и тяжёлые извещения о погибших...

Шёл 1400 – й день войны. Части Красной армии 2 – го Белорусского и 1 – го

Украинского фронтов вели наступательные бои на подступах к Берлину. А 22 апреля началась Берлинская наступательная операция. Бои шли на Дрезденском и Берлинском направлениях.

На колхозных полях начались весенние посевные работы. Лизавета с Полиной целыми днями пропадали на ферме. Несмотря на трудности, жизнь приобретала новые оттенки. В душе появилась уверенность в скорую Победу.

День Победы ворвался радостью в сердце каждого. Погода стояла пасмурная, хмурая, моросил дождик, но людям казалось, что мир залит солнечным светом, теплом, весной! В маленьком сельском клубе собрались все. Плакали и смеялись, поздравляли и обнимали друг друга. Никогда ещё не было в деревне такой радости! Радости Победы!

Лето было в самом разгаре. Солнце палило нещадно. Только утренняя да вечерняя прохлада приносили облегчение. Луг выгорел, и колхозное стадо переместили на дальний отгон. Там среди заливных угодий, да берёзовых колков травы стояли зелёные и сочные. Мелкие обмелевшие озёрца позволяли иметь водопой. Доярки добирались до отгона на выделенной колхозной полуторке.

В то утро Лизавета осталась после дойки на отгоне, чтобы не мотаться туда – сюда. А Полина изъявила желание пойти в деревню пешком.

Свежо и вольготно было в лесу. Белоствольные берёзки обступали дорогу. Разноцветье делало поляну яркой, сказочно красивой: белые ромашки, синие колокольчики, жёлтый подмаринник, фиолетовый иван – чай, зелень папоротника – всё смешивалось в неповторимый красочный ковёр, наполняло пьянящим ароматом. Где – то куковала кукушка, высоко на дереве долбил дятел, доносилось пение птиц.

Полина вышла на небольшую вырубку. Чуть не ахнула, увидев россыпи спелой клубники. «Вот повезло! – подумала она, - знать не зря бидончик прихватила». Она набрала его доверху спелыми душистыми ягодами, прикрыла сверху травой. Потом от души полакомилась сладкими лесными дарами. Постояла, прижавшись к бархатистому стволу молодой берёзки. Послушала лесные звуки. Направилась к дороге, что пролегла среди густой травы. Она шла неспешно, размышляла просто так, ни о чём.

Услышав позади поскрипывание колёс, оглянулась. На телеге к ней приближался извозчик. Лошадь шла неторопко. Поравнявшись с Полиной, молодой парень натянул вожжи, останавливая лошадь. Полина чуть отошла на обочину. Она узнала парня. Это был киномеханик Петруха, недавно присланный в деревню, чтобы организовать работу клуба. Он крутил кинофильмы, что привозил каждую неделю из райцентра. Сам он приехал из железнодорожного посёлка, что в двадцати километрах от их деревни. Квартировал у бабушки Агнии Савишны, жившей по- соседству с клубом. Днём Петруха пропадал в клубе, где организовал избу – читальню. Откуда – то притащил разные журналы, газеты, развесил плакаты с крупными буквами и рисунками. Достал шашки, шахматы, домино. А вечерами опускал на сцене белое полотно экрана, плотно задёргивал шторами оба клубных окна и уходил в свою кинобудку, откуда через маленькое оконце в стене под самым потолком, устремлялся на экран яркий пучок света и экран оживал. Взрослые и дети затихали и сосредоточенно смотрели кино. Вот и сегодня он вёз на телеге чудо – фильмы.

День клонился к полудню, и жара уже нависла над землёй. Даже в лесу становилось душно.

- Прыгай на телегу, доярочка! – засмеялся Петруха. – Чать, с отгону шагашь?

- Ага, - ответила Полина.

- А чо не на колёсах? – продолжал он.

- Просто так. Утром пройтись захотелось. Эвон, в лес по глубянку забрела.

- И много набрала?

- Да её там красным – красно! Бидончик мал оказался. Завтре ишо пойду.

- Ягодница стало быть. – засмеялся парень. – Это хорошо. Наваришь варенья. Зимой можно и в гости на чай заглянуть.

— А чо нельзя — то. Можно и на чай. Можно и на пирожки, - рассмеялась Полинка. — Теперь кончилось голодное время, Не грех и разговестись.

- Стало быть — замётано! — захохотал Петруха. - Жди в гости на ягодные пирожки. Так за разговором незаметно доехали до деревенской окраины. У клуба Петруха остановил лошадь.

- Сиди. Теперь вот занесу в кинобудку банки и доведу тебя. Всё равно в тот конец в конюховку Карьку гнать.

Он проворно снял с телеги круглые металлические банки с кинолентами и, поднявшись по крутой лестнице в кинобудку, поставил их внутрь.

- А ты приходи вечером в кино. Я тут два фильма привёз. Один «Весна» называется, а другой «Сказание о земле сибирской». Оба новые. Недавно снятые. И артисты там известные играют. Фильмы интересные. На неделе оба прокручу. А там, глядишь, ещё новинки придут. Мне в райцентре первому новые киношки дают. По благу. Я ведь давно киномехаником работаю.

У старцевской избы он притормозил, и Полина спрыгнула с телеги.

- Так чо, - осведомился Петруха, - в кино — то придёшь?

- Ага,- радостно ответила Полинка.

Так и начали Петруха с Полиной встречаться. Он провожал её после кино домой. Гуляли по берегу озера, сидели вечерами на плотках, опустив в тёплую воду ноги. Когда случалось уезжал Петя домой в посёлок, Полина скучала. Каждую неделю ездил он в райцентр за кинобанками. Она в эти дни шла домой пешком, а он в назначенный час нагонял её и они, сворачивали с дороги в лес, где, привязав лошадь у берёзы, давали ей возможность полакомиться лесными травами. А сами отправлялись погулять среди раздолья. Сидя в мягких травах, ласкались, целовались.

Прошло лето. Осыпала золото осень. Теперь прохладными вечерами всё чаще наведывался Петя к Полине в дом. Бывало, приглашал к себе, когда хозяйки дома не случалось. Пили чай. Обнимались. Он шептал нежные слова и горячо целовал.

- Милая моя, Полюшка! Как по душе ты мне, роденькая. Самая красивая, самая нежная, самая тёпленькая моя, - шептал он, крепко сжимая её в объятиях. А она таяла от жарких поцелуев, от горячих рук и ласковых слов.

Белая пороша легла на луга, на поля, укрыла деревенскую улицу. Ранние сумерки окутывали дома. Утром и вечером ходили Лизавета с Полиной на ферму. Близилась зимняя прохлада.

Иногда Полинка уходила вечерами в клуб, в кино. Случалось провожающий её домой Петя, оставался ночевать, устроившись на ночь на полатах.

Как — то чистили Лизавета с бабами коровьи стойла от навоза. Полинке поручили освобождать, от скопившегося в углах наеда, кормушки. Выгребая скатавшиеся комья в брезентовый полог, неожиданно почувствовала она подступившую тошноту. Метнувшись в угол загона, надрывно изрыгнула содержимое желудка. Внутри будто натянулись все жилочки. Бабы удивлённо уставились в угол, а потом перевели взгляды на Лизавету.

«Беременна...» - осенила Лизавету мысль. И тут же, будто молотом, ударила в голову: « В подоле принесла...».- вспомнила она страшные слова отца Павла в годы её, Лизаветиной, молодости...

Полинка вышла из помещения фермы, подошла к уложенным невысокой стопкой кирпичам и, зачерпнув в ладонь мягкого белого снега, взяла в рот.

Вечером, усадив дочь за столом, Лизавета внимательно глянула на неё и сказала, как можно спокойнее:

- Сколько?

- Около двух, - закусив губу, вымолвила Полина.

- Он знает?

- Нет...

- Сказать надо, - заключила мать.

Вечером Полина пошла в клуб. Кино не было. В зале никого не оказалось. Петруха готовился закрыть помещение и пойти домой.

Полина вошла неслышно. Встала у двери зала.

- Полина? Что случилось? – растерянно спросил Пётр. – На тебе лица нет. Садись. Он подвинул стул, но она продолжала стоять.

- Случилось, Петя, - тихо сказала. – Беременная я.

Он вдруг молча сел на стул, уставившись в пол. Нависла тяжёлая тишина. Сколько она длилась? Полине стало до ужаса страшно. Она ничего не могла понять. Почему он молчит?

- Прости меня, Полюшка, - наконец тихо вымолвил он. – Не могу я тебе ничего обещать. И успокоить тебя не могу. Женатый я... В посёлке жена у меня и сыну три года... Не могу я их бросить...

Полина резко развернулась и бегом выбежала из клуба. Не помня себя, добежала до дома и, распахнув дверь, прямо с порога бросилась на кровать. Плакала навзрыд горько и отчаянно.

Напуганная насмерть Лизавета не знала, как и подступиться. Наконец, утихнув, Полина села на кровати и, откинув с головы тёплый пушистый полушалок, прошептала:

- Не может он взять меня. Женатый он.

Лизавета поднесла ладонь к губам. С ужасом глянула на дочь. Долгое молчание повисло в избе.

- Возьми себя в руки, Полюшка. Успокойся. Ребёночка Бог дал. Рожай. Не ты первая, не ты последняя... Убить не вздумай! Грех это смертный. Он ведь живой. И сердечко у него бьётся.

На том и порешили.

Через неделю Петруха уехал из деревни в свой посёлок.

Весной Полина родила. Мальчик появился крупненький, чернявый, с голубыми глазами и длинными ресничками. Впрочем, все малыши голубоглазые. Полина смотрела в личико ребёнка и находила знакомые чёрточки. «На папу походит»- с улыбкой думала она. А на Петра у неё не было ни капельки обиды. Мальчишку она полюбила сразу. Он был спокойный и не напрягал молодую маму. Назвали Егорушкой. Бабушка тоже души не чаяла во внуке. На седьмой день после рождения понесла его в местную церквушку – окрестила. Только дед Павел хмурился, глядя на правнука. «Безотцовщина» - хмуро произнёс он. Но на ребёнка посмотрел с лаской. Зато прабабушка Евдокия гладила маленькую головку Егорки и на глаза её наворачивались слёзы. «Слава Господу, - шептала она, вот и род продолжился. Живи на радость нам, да будь здоровенький». Последнее время часто болели старики – Кругловы. Оттого рождение правнука стало для них будто дар Божий. Как - никак, а не оборвётся ниточка рода. Родители Илюши, погибшего на войне, уже упокоились. Теперь и им, Кругловым, можно о душе подумать. За восемьдесят перевалило. В начале лета один за другим покинули они свет белый. Тополиный пух белой порошею кружил в знойном воздухе, когда проводили их на деревенский погост.

Жизнь продолжалась. Егорка уже ползал, улыбался и гулил, тянул к родным пухленькие ручонки. Полина, случалось, брала его с собой на работу. Она отвозила с отгона молоко на молокозавод. Составив фляги на телегу, стелила меж ними стёганое одеяльце и усаживала сынишку. Ехала не торопясь. Как – то, проезжая вблизи той поляны, где они впервые встретились с Петрухой, остановила лошадь и сошла на дорогу. Взяв Егорку на руки, сделала несколько шагов в сторону вырубki. Постояв, пошла обратно к телеге. На обочине дороги посадила сынишку в траву и, сев в повозку, тронула лошадь. Она тихонько двинулась вперёд. «Что же он делать будет?» – подумала. Чуть отъехав, оглянулась. Егорка выполз на дорогу. Натянув поводья, Полина спрыгнула с телеги и бросилась назад. Подхватив мальчишку на руки, крепко прижала к себе.

- Маленький мой! Родной! – шептала она. Бросилась назад. Сынишка доверчиво прижался к матери.

Полина вылила молоко из ведра во флягу. Придвинула её к остальным. Сейчас погрузят на телегу, и повезёт она вечерний удой на молокозавод.

- Старцева, задержись, - услышала за спиной голос заведующего фермой Ивана Волошина. Оглянулась.

- Как будешь сдавать молоко, - продолжил он, - смотри, чтоб анализ хорошо взяли. Что – то не совсем удовлетворяют качественные показатели: то кислотность завышена, то жирность низкая, то органолептическая оценка плохая. Надо проследить. Да попроси, чтоб документы верно оформили.

- Ладно, - ответила Полина.

Иван положил руку ей на плечо и как – то крепко сжал. Сквозь халат она ощутила какой сильной и горячей была рука.

- Нравишься ты мне, Полина. Хорошая ты баба. Красивая, аккуратная, трудолюбивая. А вот судьба твоя не задалась. Цветёшь ни для кого. Мужика бы тебе хорошего.

- Уж не себя ли в виду имеешь? – осведомилась Полина.

- А что не нравлюсь?

- Какой смысл тебе со мной заигрывать? Не свободен чать. Жена у тебя, дочка. Да и мне нет резона на тебя заглядываться.

- Я ж тебя не замуж зову. А погулять, тоску развеять никому не возбраняется.

- Нет у меня желания гулять с тобой. Да и тоска меня не донимает, - усмехнулась Полина.

Иван помог ей поставить фляги на телегу, и она тронулась в путь.

- А ты всё – таки подумай, - бросил он на прощание.

Разговор на этом не закончился. Стала замечать Полина, как всё чаще оказывает ей знаки внимания заведующий.

- Смотри, Полина, - шутили доярки, - Фадеич мужик не из робких. Любит за чужими юбками поволочиться. Как бы не охмурил тебя. А жена у него, Верка, баба строптивая, горячая. Чуть что, так и глаза выцарапает и патлы повыдерет.

- Нет повода мне глаза выцарапывать, - отшутилась Полина, – не нужен мне её благоверный. А коль такая ревнивая, так пусть следит получше, ведь в бабьем коллективе работает.

А в конце лета приноровился Иван уезжать с отгона вместе с Полиной. Как – то и она привыкла, что сопровождает он её вечерами. А потом стали задерживаться они в пути, делать остановки в лесу. И не заметила Полина, как вошёл Иван в её жизнь. Понимала, что неправильно всё это. Только уже не могла ничего изменить. Он не обещал ей ровным счётом ничего. А короткие встречи ни к чему не обязывали. Так и продолжалось, пока не поняла Полина, что беременна. Рушить семью Ивана и в голову ей не приходило, оттого не призналась она, что ждёт ребёнка. Поняла лишь одно: пора прекращать встречи. Есть один малыш, пусть будет и другой. Так решила Полина.

В один из осенних вечеров, собираясь очередной раз в дорогу, твёрдо сказала:

- Не надо со мной ездить. Никогда. Больше мне сопровождение не нужно. Ничего больше не нужно. Погуляли и хватит.

Она тронула лошадь и поехала вперёд. Удивлённый Иван лишь пожал плечами. Больше он не навеливался Полине в провожатые. А после наступления первых заморозков, когда перевели стадо на стойловое содержание, перешёл работать в правление.

Так и осталось для деревни тайной, от кого родила старцевская Полина рыжеголового Илюшку.

Той зимой, сразу после Крещения, Лизавета заболела. В больницу ехать наотрез отказалась. «Коль суждено умереть, так только дома, - сказала она, будто точку поставила. Где – то внутри боли то отступали, то нестерпимо накатывали. Диагноз себе поставила

сама: «Рак у меня. Значит недолго осталось». В минуты облегчения просила Полину присесть рядом и наставительно говорила:

- Помни, Полночка, наказ мой: воспитай мальчишек достойно. Они в твоей жизни – главное. В трудные минуты только Бог тебе поможет. Крещены ребята, и, стало быть, Господом хранимы. И сама в Храм ходи. Свечки ставь за их здоровье и за упокой нас, всех родных.

Упокоилась Лизавета быстро. Будто свеча сгорела. Похоронив мать рядом с дедом Павлом и бабушкой Евдокией, Полина долго не могла привыкнуть к пустоте в доме и в душе. Только сыновья спасали её.

Летом при техникуме молочной промышленности, эвакуированном в Круглое ещё в годы войны из Ленинграда, организовали подсобное хозяйство, закупили крупный рогатый скот, построили загон, здание фермы, телятник. Создали молочную базу для студентов, которым предстояло осваивать весь путь молока, как сырья для выработки готовой продукции, начиная от получения молока до готовых сырных головок. Базовым предприятием стал сырзавод.

Полина перешла работать в подсобное хозяйство. Там же определились две её лучшие подруги – Клавдия и Александра. Вскоре всем троим выделили жильё вблизи хозяйства. И перебралась Полина с ребятами из ставшей тесной избы в пятистенки. По – соседству поселились в таких же пятистенках подружки. Кстати судьба так уж предопределила, что было у каждой из них по два сына, ровесников Егорки и Илюшки.

Подсобновская ребятня жила своим тесным мирком: вместе росли, учились в школе, играли. Когда оборудовали в Круглом, ставшем селом, стадион, подсобновские ребятки организовали свою футбольную команду. Дружеские встречи проходили с «гусевцами», «костюхинцами» и со сборной «кругляшей». Подсобновские готовились к играм со всей ответственностью и почти всегда выходили победителями. Тренировать упростили молодого школьного физрука Вячеслава Горелина.

Вскоре появилось районное отделение добровольного спортивного общества «Урожай» (ДСО), которое предложили возглавить именно Горелину, как одному из ведущих сельских спортсменов. Разумеется, подсобновская футбольная команда первой приступила к тренировкам. Это потом возникла сборная кругловская. Но и в ней ядро составили подсобновцы. Полина радовалась, что Егор и Илья увлеклись спортом.

На службу в армию Егора призвали весной. Сбылась его мечта служить на флоте. Три года предстояло носить морскую форму, полосатую тельняшку, бескозырку с якорями на ленточках. Тихий океан не оказался уж таким тихим, как виделось издалека. Как и любой молодой призывник, Егор поначалу скучал по дому, по друзьям и родным. Со временем привык и даже втянулся в ритм службы. Первый год находился в Хабаровском крае, в Советской Гавани, где осваивали четырёхангарные ракетные катера новой модификации. А потом местом дислокации стал Владивосток. Это был поистине город моряков. Здесь проходили испытания малых противолодочных кораблей.

Егор часто писал письма матери, брату, друзьям. Высылал фотографии.

Через два года призвали на службу и Илью. Определили в авиационную эскадрилью. Путь также лежал в Хабаровский край. В части Илья сохранил любовь к спорту, и вскоре вошёл в состав воинской сборной по футболу. Играл в защите. Мечтал связать после армейскую жизнь только с футболом.

В родное село Егор вернулся в цветущем мае. Материнской радости не было конца. Она любовалась выправкой сына, красивой формой, вглядывалась в каждую чёрточку его лица. Егор от души смеялся материнскому «техосмотру», как он шуточно назвал эту процедуру встречи.

- Вот, теперь осталось Илюшеньку дожидаться, и заживём счастливо, - заключила Полина.

Не менее счастливой была встреча с друзьями. А вечером парни направились в Дом культуры на танцы. Егор выделялся среди ребят по – особому: форма была ему очень к

лицу. После трёх лет отсутствия в родном краю всё ему казалось необыкновенно изменившимся.

- Вон сколько невест подросло! – шутили ребята. – Любую выбирай!

- Мне любую не надо. Надо единственную, и навсегда! – отшучивался Егор.

Его внимание привлекла среднего роста русоволосая девушка в розовом платье, в лёгких босоножках на невысоком каблукке. Она о чём – то увлечённо разговаривала с двумя подружками, и они все весело смеялись. Было в девушке что – то необыкновенно лёгкое, притягательное. Егор решительно направился в её сторону. От неожиданности она чуть растерялась, но в круг танцующих вышла уверенно. Он взял её руку, другую положил на гибкую талию и уверенно повёл в танце. Потом, сквозь громкие звуки музыки, произнёс:

- Меня Егор зовут.

- А меня Ольга, – ответила она.

- Вот и познакомились. Я только к берегу причалил. Теперь на суше стану обитать, – весело пошутил он. – А значит надо успеть меня присУшить. Что и рискну доверить Вам. Она расхохоталась.

- У меня, конечно, опыта в столь ответственном деле нет, но попытаться можно. – ответила Ольга на той же шуточной ноте.

Танец кончился уж очень быстро.

- Следующий танец бронирую! – подняв указательный палец, произнёс Егор. И проводил её к подружкам.

- Нештяк, Ольга! Парень – отпад! А форма! Натягивай вожжи! – озорно заметили девчата.

- Да уж натягиваю! Следующий танец – бронь! – отшутилась Ольга. А музыка и уже звучала. И Егор вразвалочку шёл через зал.

Парни, вернувшиеся в деревню после службы этой весной, планировали своё будущее. Димка Волошин с Гришкой Сараевым собрались подавать документы в физкультурный техникум.

- А что, Егор, может и ты с нами? Ведь спортивные навыки, должно быть, не забыл?

- Да нет, не забыл, – согласился Егор. И подал документы в техникум физкультуры и спорта.

Экзамены все трое выдержали, и осенью уехали в небольшой провинциальный городок, учиться. Ольга, с которой Егор встречался уже три месяца, горячо приветствовала решение друга. Она только прошлым летом окончила пединститут и теперь работала в местной школе литератором. Работа ей нравилась. Знакомство с Егором добавило ярких красок в её жизнь, и теперь она очень хотела, чтобы он учился. Глядишь, и вместе работать станут. Может и в райцентр, откуда она была родом, вместе рванут. Так мечталось Ольге. А Егор, меж тем, начал учебный год.

Всё складывалось благополучно. Зимнюю сессию сдали парни успешно и приехали на каникулы в деревню.

Одно угнетало Егора: мать не имела ни малейшей возможности помогать ему материально. А ведь нужны были и зимние вещи, и деньги на питание, и на другие необходимые предметы. Егор чувствовал себя не в своей тарелке, хотя ни с кем не делился переживаниями. Парням было легче: им помогали родители. Нужно было, по его мнению, сделать выбор между учёбой и материальной стороной жизни. И он принял решение: оставить техникум и пойти работать. После каникул к учёбе не вернулся и пошёл работать на стройку. С годами не раз пожалел об этом, но возможность получить образование была упущена.

Ольга тоже очень жалела об этом, но решение Егора восприняла спокойно. И никому – ни ей, ни ему не пришла в голову мысль о возможности перевестись на заочное обучение.

Летом пришёл из армии Илья. Повзрослел, возмужал. Пора было подумать и о будущем. Случилось так, что в это время оказался в отпуске бывший тренер Вячеслав Горелин,

который теперь возглавлял областное ДСО. Узнав о возвращении Ильи, как – то вечером пришёл к нему домой.

- Послушай, Илюша, что делать – то собираешься? – спросил.
- Пока окончательно не определился. Учиться бы надо.
- Надо. – однозначно определил Вячеслав.- Со спортом дружбу ещё не порвал?
- Нет. В армии в сборной играл.

Илья достал из комода грамоты и две медали, полученные за победы. Положил перед Вячеславом.

- Ух, ты! – воскликнул тот. – Это же здорово! Давай я тебе направление в школу тренеров дам. Учиться в столицу поедешь. Два года и дорога в спорт открыта! Только поспешить надо. Набор в школу завершается. Давай ко мне в понедельник, оформляй документы и вперёд.

Через неделю Илья уже был в Москве. Да вот незадача: набор, оказалось, уже завершён.

- Приезжай, парень, на следующий год, - посоветовали в приёмной комиссии.

Любоваться столицей, остановиться в ней на несколько дней, у Ильи не было средств. На дорогу – то у родни мать заняла. Оттого после неудачного посещения учебного заведения направился Илья на вокзал, купил билет до своей станции. Денег только и хватило на билет. «Ничего, - думал он, - двое суток с голоду не умру. Как – нибудь доеду». Вечером устроился в плацкарте и, забравшись на верхнюю полку, уснул.

Проснулся от запаха пирожков и лёгкого позвякивания ложки о стакан. Сосед, крепкий бородатый дед, пил чай. В желудке у Ильи предательски заурчало, потянуло от голода. Во рту собралась слюна. Не в силах терпеть приступ голода, Илья спрыгнул с полки и вышел в тамбур. Какое – то время, стоя у окна, смотрел на мелькающие цветущие луга, бесконечные поля, густые леса, берёзовые колки, дальние поселения. Как бы ни старался он отвлечься, «жернова» внутри будто крутились, напоминая о надобности что – то закинуть в пустой желудок. Впереди ещё сутки. Надо выдюжить. Выхода нет. Илья вздохнул и вернулся в свой плацкарт. Дед уже закончил трапезу и теперь внимательно глядел в окно. А запах съестного всё ещё витал вокруг. Увидев вошедшего Илью, дед внимательно глянул на него и спросил:

- Что – то ты, мОлодец, почти уж сутки в пути, а голодом едешь. Только на полке лежишь. Случилось что?

- Нет. Всё нормально.

- А чево не чаёвничаешь? - не унимался дед.

- Не на что.., - неожиданно для себя выдал Илья.

- Эвон в чём дело, - вздохнул дед. – Дак садись. Покормлю. Не с голоду же помирать. Он закопошился, открывая чёрную сумку. Откинув вафельное белое полотенце, достал свёрток с пирожками, яйца, сало, кусочки хлеба.

- Пойди к проводнице, чаю возьми стакан, - распорядился он, высыпая на столик мелочь. У Ильи чуть покруживалась голова, но собрав себя в кулак, он взял мелочь и шагнул в тамбур.

- Идите в купе, я принесу чай, - улыбнулась проводница, приняв мелочь из руки Ильи. Вечером дед Афонасий накрыл ужин на двоих и заказал два стакана чая. Он уже выпытал у Ильи о его неудавшейся поездке в столицу.

- Ничего, парень, мир не без добрых людей. Я ночью схожу на своей станции. А тебе всё что слышилось от провизии, на столике оставлю. Утре позавтракашь. А там и до дому дотянешь.

Так и остались парни жить и работать в Круглом. Полина переживала, что не смогла дать сыновьям образование. Случалось, тайком плакала. Оба работали на стройке. Разговора об учёбе больше не заводили. «Жизнь – наш университет», - бывало, шутил Егор. В спорт тоже уже не вернулись. Втянулись в обычную деревенскую жизнь.

Как – то воскресным утром Егор, усадив мать за столом, завёл разговор:

- Вот чего, мать, жениться я решил. Пора судьбу в семейное русло направить. Завтра с

Олей заявление идём подавать. Надо нам с тобой в те выходные к её родителям в райцентр съездить. По традиции следует мне, как жениху, руки и благословения испросить. А вам обсудить, как торжество отметить. У Ольги тоже мать одна. Отец давно помер. Поэтому свадьбу широкою делать не станем. Небольшой вечер. Но кольца купить надо. Я, как зарплату получу, справлю.

- Хорошо, сынок. Всё сделаем. Съездим к Олиной маме, обсудим. Я рада, что ты на верном пути.

Полине нравилась Ольга. Серьёзная, образованная, приветливая. И отношения у молодых хорошие. Внимательно друг к другу относятся, с пониманием. Иного и не нужно для счастья сына.

В августе Егор и Ольга расписались. Школьный профсоюз выделил молодым квартиру. Семейная жизнь начала свой отсчёт. Главное были любовь и взаимопонимание, уважение друг к другу.

Судьба у Ильи сложилась не столь гладко. Не суждено было ему встретить свою единственную, любимую. Шли годы, а он так и не сумел ограничить себя семейным кругом. Полина поначалу волновалась за сына, однако со временем свыклась с его одиночеством. Забегая вперёд, следует сказать, что только лишь в сорок семь, когда мать уже ушла в мир иной, Илья связал свою с женщиной на два года старше себя, оставшейся вдовой. У неё были уже взрослые сын и дочь. Своих детей у Ильи так и не было, поэтому племянниц, дочек Егора, любил он безмерно. Дарил им сладости, игрушки. И они души не чаяли в дяде Илье.

Как – то хмурым осенним вечером, как раз накануне Покрова Пресвятой Богородицы, неожиданно пришёл к Полине Тоха Гусев, тот самый, с которым в далёком детстве тырили они тайком на колхозном пастбище Зорькино молоко. Прошёл на кухню и поставил на стол бутылку водки.

- Годины сегодня Настеньке моей, - тихо вымолвил он. – Давай помянем, Полина, душеньку её.

- Не дело то, Антон, - ответила она, - лучше чайку давай попьём. Посидим, повспоминаем. Да милостыню на деревне подай. Вон блюдо у меня с пирожками вишнёвыми. Возьми, да разнеси. А завтра утречком в церковь сходи – свечечку за упокой поставь. Помолись. А водка – то зелье дьявольское. Не советую я тебе поминки им учинять.

- Да и впрямь не стоит, - согласился Антон.

Жена его, Настя, была деревенской веселухой, да певуньей. В прежние времена ни одна свадьба и любое другое торжество, без неё не обходились. Да и в зрелые годы оставалась она весёлой, жизнелюбивой.

А уж жили они душа в душу. Всюду были вместе, да рядышком. Такая любовь только в книжках бывает. Случалось, брал Антон свою гармонь, и шли они вдвоём к старым тополям за окраину. Теперь там молодёжь не собиралась. Имелся для досуга просторный Дом культуры, да летняя танцплощадка. А они уходили к тополям. До позднего вечера слышали односельчане звуки гармонии, да мягкий певучий голос Насти. Как в молодости целовал Антон свою суженую, единственную, любимую.

В ту весну надумали Гусевы строить новый дом. Драли мох на дальней болотине. Там и застудилась Настя. Заболела тяжело. Надрывно кашляла. С хрипами и мокротой. Как слегла, так больше и не поднялась.

Однажды, когда совсем плохо ей стало, позвала Антона:

- Присядь со мною, Тонюшка.- Никак скоро расстанемся мы с тобою. Не тоскуй по мне шибко. Жизнь наша ярким цветочком отцвела...ясной звёздочкой отгорела...Деток славных вырастили. Что ещё надо – то? Любовь наша не остыла. Не опостытели мы друг дружке. Не утомили. Настанет день и встретимся там за роковой чертой, в той жизни, где уже ничто не разлучит нас. Так что не жалея меня, родненький мой...Трудно тебе без

меня будет - знаю. Я тебе вот что сказать хочу: сойдишь ты с Полиной Старцевой. Всё не один будешь...она женщина добрая, порядочная. А что счастья в жизни не выпало, так, знать, судьба такая. Я твоей изменой мне это не посчитаю. Прощай, Антоша...

Она слабо сжала его руку. А он плакал. Не скрывая своей боли и отчаяния.

- Что ты, Настенька! Даст Бог – встанешь. Не прощайся со мной, любимая. Ещё и весну встретим и к тополям сходим. Ещё и попоёшь, моя птичка певчая...

- Нет, Тонюшка, отпела я...

Она как – то вымученно попыталась улыбнуться.

- Домик мой – последний приют- без меня уж соорудишь. Буду я в нём отдыхать...

А ночью Настя упокоилась. Каждый день ходил Антон на её могилку. Подолгу сидел у родного холмика. Молчал.

Теперь вот, сидя за столом, напротив Полины, вдруг нерешительно вымолвил:

- Я ведь чево пришёл – то, Полина. Вроде как сватать тебя. Настенькина то воля была, последняя...Я всё не решался. А сёдни вот насмелился...

Полина молчала. Антон тоже сидел, склонив голову, держа в руках остывшую чашку с чаем. Наконец она нарушила долгое молчание.

- Прости, Тоша, прошло моё времечко по замужьям ходить. Вон уже легла жизнь порошей белой. Остудило морозцем душу мою. Не могу и твоё сердце отогреть.

Посидев ещё немного, Антон попрощался и вышел за порог. Полина проводила его и закрыла дверь на засов. Вскоре Антон Гусев продал свой старенький пятистенник и перебрался на жительство к старшему сыну в город.

Полина, стоя напротив стены, Овнимательно вглядывалась в портреты, висевшие на ней. Два самых родных человека смотрели на неё с фотографий. Отец Илья – молодой, красивый, с упрямым чубом густых светло – русых волос, улыбался открытой доброй улыбкой. Серые глаза затаили неизменную смешинку, которая в минуты радости всегда выскакивала озорным чертёнком. Помнится, мать всегда говорила: «Что опять чертёнка выпустил? Докладай какая радость у тебя?»

Мать смотрела с портрета спокойно. Чуть заметная улыбка трогала её тонкие губы, а маленькая родинка на правой щеке, выделялась круглой ягодкой. Русые волосы заплетены в густую косу и уложены вокруг головы ровным венком.

Молодые, красивые, жизнерадостные они в минуты отчаяния всегда незримо вносили в жизнь Полины успокоение. Она вглядывалась в портреты, рассказывала о своих переживаниях, радостях и тревогах. «Иконы мои святые.- часто повторяла она.- Вы ведь слышите меня. А значит рядом со мною. Значит я не одна».

Вот и сегодня она стояла у портретов родителей. Тёплые слова сами собою рождались в душе, светлой рекой растекались вокруг.

- Милые мои, родненькие! С праздником вас, с Днём Победы. Гляньте, какая вокруг весна! Тёплая, зелёная, счастливая, - шептала Полина.- И мы, ваши дети, внуки, правнуки счастливые. Спасибо вам за жизнь нам подаренную, за это небо, солнце, проснувшуюся природу. Мы любим вас! Будем помнить, пока живы, пока бьются наши сердца.

Полина говорила и говорила. И ей казалось, что родители непременно слышат её, каждое её словечко улетает туда, в высокие чистые небеса, где нашли свой приют родные души.

О гибели отца узнала Полина только после Победы, когда стали возвращаться в деревню выжившие фронтовики.

Однажды прибежала она домой с фермы и с порога крикнула:

- Мамочка! Дядя Федя Гусев с войны пришёл! Скоро и наш папка вернётся!

Лизавета с горечью посмотрела на дочь, и вдруг совсем тихо вымолвила:

- Не вернётся, Полюшка... Убили папку нашего...Ещё в сорок третьем убили...

Огромные глаза Полины растерянно смотрели на мать. Где – то в груди застрял крик. Она на мгновение словно потеряла рассудок. Перевела взгляд на тот самый, висевший на стене, портрет отца.

- Как убили... – наконец прошептала она. – Почему ты не сказала мне тогда?

- Прости, Полюшка, не смогла я тебе тогда сказать. Ведь ты в то время на лесозаготовках была. И так тебе тяжело приходилось. Вот и скрыла я. А потом всё никак не могла весть горькую тебе поведать. И всем родным наказала, чтоб не ранили душу твою. Оттого молчали и сёстры твои, и дед с бабушкой. Теперь уже утаить невозможно.

Лизавета молча открыла ящик старого комода и достала аккуратно свёрнутое белое вафельное полотенешко, где бережно хранила несколько свёрнутых в треугольнички писем от Ильи с фронта. Она нашла то письмо из райвоенкомата, с печатью, протянула Полине.

Развернув серый листочек, Полина прочла короткие строки извещения. Она и теперь, после смерти матери, хранила его в том же месте, в том же небольшом клочке белого полотенешка.

Столько лет прошло. Уже и ей, Полине, перевалило за 80, а День Победы по – прежнему считает она самым большим праздником. И обязательно в этот священный день тихонько ковыляет к сельскому обелиску, чтобы у плиты с именами погибших земляков, отыскать дорогое имя отца и положить красные гвоздики. Имя его чтят дети и внуки. И несут портрет в строю «Бессмертного полка».

А потом кто –нибудь из сыновей обязательно везёт её на сельский погост, где она ложит букет цветов на могилу матери. Ведь она всю войну трудилась в тылу и тоже приближала светлый День Победы. Да и она, Полина, внесла свой вклад. Значит это и её праздник.

Осень стояла удивительно красивая. Берёзы оделись в свой богатый золотой наряд. Багрянец клёнов ярко горел на фоне зелени кустов сирени. Гроздь рябины клонила ветви, окутывая их резными пурпурными листьями. Солнце плыло тёплым шаром в безоблачном небе. Лёгкие паутинки – примета бабьего лета – плыли в воздухе. Высоко слышалось курлыканье журавлей, что тянулись клином на юг. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка.

Полина любила эту пору. Уж все дела управлены, огород убран. Скоро отгорит бабье лето. Она вышла за калитку и долгим взглядом посмотрела в улицу. Сегодня она ждала в гости Ольгу с внучками Машей и Мариной. Уже готовы сладкие пирожки с клубникой, горячее жаркое с утятинной, овощной салат. Согрет чайник, заварен полезный травяной чай, что так любят девчонки.

Автобус явно задерживался. А может гости решили вначале пройтись по осенним улочкам малой родины? Вот уже пять лет прошло, как перебрались Егор с семьёй в райцентр.

Полина скучала по ним. Бывало, изредка навещала в гости сама.

Илья жил с матерью. Вернувшись с работы, вечерами смотрел телевизор, читал книги, иногда ходил в кино. Никаких изменений в его личной жизни не происходило.

Завидев бабушку, девчонки радостно побежали навстречу. Она, широко разбросив руки в стороны, приняла в объятия драгоценных внуков. Они наперебой что-то восторженно щебетали. Дома с аппетитом уплетали угощение. А Ольга рассказывала свекрови о семейных новостях.

Время пролетело незаметно. Проводив гостей за калитку, она долго смотрела им вслед.

Времени до отправления автобуса оставалось немного, и они торопливо шагали к остановке. Оглянувшись на повороте, все трое помахали бабушке Поле. Она тоже помахала им. Слёзы накатились на глаза. Когда вновь предстоит встреча? А каждое расставание оставляло в душе надежду на то, что встреча эта не последняя.

Полина всё чаще чувствовала недомогание, усталость. Вот и в её жизни наступила осень. Опадает листва, увядают краски, и замечает тропу её судьбы белая пороша.